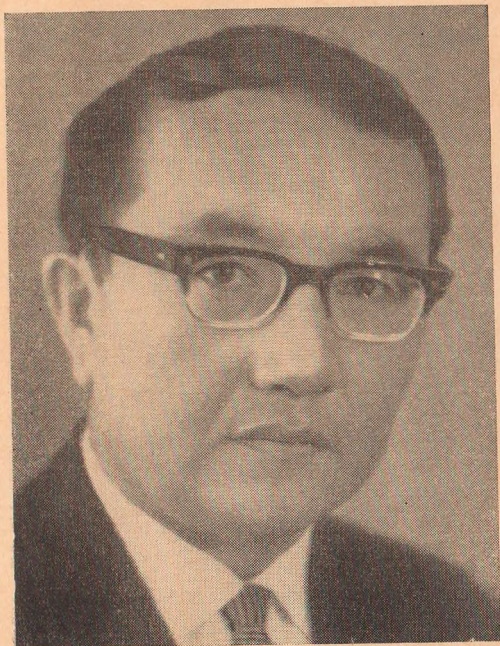

СОРОНБАИ
ДЖУСУЕВ

ГОРНЫЕ ЗОРИ

СГ

**СОРОНБАЙ
ДЖУСУЕВ**

ГОРНЫЕ ЗОРИ

СТИХИ

*Авторизованный перевод с киргизского
Григория Корина*

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА 1972

Киргизский поэт Сооронбай Джусуев родился в 1925 году в кыштаке Кызыл-Жар, Советского района, Ошской области.

Писать стихи начал вскоре после Великой Отечественной войны, во время которой был связистом в Гвардейской дивизии имени Панфилова.

В 1956 году поэт окончил Литературный институт имени А. М. Горького в Москве.

На родном языке вышли сборники: «Песня труда», «Правда и песня», «Весна жизни», «Надежда», «Кучевые облака», «Перевал» и ряд других. В переводе на русский язык книги С. Джусуева издавались неоднократно.

КОГДА Я ВДАЛИ ОТ ГОР

Когда я покидаю родимых гор простор,
То на себя беру я обязанности гор, —
Спокойствие, и крепость, и стойкость их беру,
Высокие черты их в себе храню с тех пор,
И если говорю я, не от себя — от них,
От гор немногословных, но честных и простых.

Доверье гор несу я всегда с собою вдаль —
И знамя их, и песни, и родников хрусталь.
Когда и мысль, и сердце с горами заодно,
Легка тогда разлука, легка тогда печаль.

Куда мне скажут горы — туда держу свой путь,
Любой достигнуть меты, с дороги не свернуть.
Пройду леса и чащи, пустыни, города,
Стараюсь так держаться, чтоб, глядя на меня,
Все люди понимали, откуда родом я,
Могли себе представить: вот какова гора!

УЧАСТНИКУ ВОЙНЫ

Здорово, незнакомец!

Как живешь?

И ты был на войне?

А если — так,

Давно знакомы мы,

и путь наш — схож.

Нелегкая досталась нам война,
Да что там говорить, ведь знаешь сам,
Что никого не гладила она.

И вот уже, как братья мы, сидим
На травке милой, и горит костер,
И о войне прошедшей говорим.

Кто полз в болотах, небом лишь прикрыт,
Под свистом пуль, тот, как никто другой,
Теплом людским и дружбой дорожит.

Кто за отчизну пролил кровь, как ты,
Тот знает, что такое человек,
Его надежды и его мечты.

С таким, как ты, схватившим за узду
Войну, что лошадь дикую в степи,
В огонь и воду снова я пойду.

Не зря судьба свела меня с тобой,
Давай же сдвинем чаши, чтоб и впредь
Не поддаваться трудности любой!

ВОСХИЩАЮСЬ

На войне порой осенней и в мороз,
Или в дни, когда трава входила в рост,
Посвист пуль меня не очень волновал,
День военный был привычен мне и прост.

На холме, иль на равнине, иль в лесу,
Если рядом взрывы, все равно ползу.
Поднимаюсь. Взрыв — и падаю опять,
Вновь ползу, но донесение несу.

Под бомбежкой мне пришлось бывать не раз,
Но однажды так засыпало — завяз.
Меня вызволил солдат из-под земли,
Отряхнулся я и передал приказ.

Все, что люди испытали на войне,
Все до капли испытать пришлось и мне, —
Рыл могилы я и хоронил друзей,
Был со всеми на войне я наравне.

Не беседовал со мной ни разу страх,
Видно, время я всегда ценил в боях,
И для страха не хватало мне его,
Или страх витал совсем в других краях.

Как же выстоять смогла земля в тот год?
Нынче вспомню, — и всего меня трясет
Оттого, как содрогался я с землей,
Только вспомню — прошибет холодный пот.

Восхищаюсь я теперь собой былым,
Желтый страх по нервам не прошел моим,
Колыбельной, спетой смертью, не внимал,
Восхищаюсь я собою молодым!

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Джигит, вернувшийся с войны, всю работу
Копил он сено, обливаясь жарким потом,
И на груди его строка медалей звонких
Сверкала бронзой дорогой и позолотой.

Жена джигиту говорит:

— Передохни ты! —

И вот вдвоем они уселись в тень ракиты.

Друг друга обняли. И малые березки

На них глядят, и голос слышен им джигита:

— С тобою встретился, доволен я судьбою!

— Пораньше кончить бы работу нам с тобою! —

Джигит смеется, обнял милую подругу,

Смеясь, она к нему склонилась головою.

И смех замолк, звеневший только что в ложине,
Застыли оба на густой траве-овчине.

Покорны души их, и губы их покорны.

А мимо женщина идет в своей кручине,

Лишь смотрит искоса.

Медлительна.

Сухова.

Не обронив ни вздоха и ни слова,

Прошла вдова.

Густым платком покрыта,

черным...

ВО СНЕ И НАЯВУ

Ну почему,
Лишь только прикорну,
Лишь зыбкий сон сомкнет мои ресницы,
Война мне тут же
Начинает сниться,
Хоть далеко
Оставил я войну.
Как будто
Притаилась за спиной,
Как будто бы репей,
Впилась мне в память —
Вчера опять меня хватало пламя
За грудь,
Как зверь,
Сцепившийся со мной.
Потом клубился дым,
И за шинель
Просачивался черный, перегорклый,
Душил меня,
Мне стискивая горло.

Гремели пушки... Сыпалась шрапнель...

Зияли,
Как ослепшие глаза,
Дотла сожженные проемы окон,

И двери,
Рты раскрыв свои широко,
Кричали, как безумные.

Друзья
Молоденькие, точно как тогда,
Со мною рядом были —
Все живые,
Как будто бы мы встретились впервые.
И нас еще не тронула беда.
И я рванулся,
И они — за мной,
Сквозь дым и пламя,
Через трупы вражьи,
И, гибельный перескочив овражек,
Уже на новой точке огневой
Я ощутил в груди
Тупую тяжесть.
За грудь схватился —
Вся рука в крови.
— Эне! — я закричал, теряя силы,
Скорее санитаря позови! —
И тут проснулся.
Мать ко мне склонилась:
— Ну, что с тобой? —
Ответить я не мог,
Лишь нежно руку матери потрогал,
Накинул плащ и вышел за порог.
— Хороший день! — я крикнул за порогом.
Действительно, светилось все вокруг,
И не осталось ничего от ночи.
В бинокль смотрел с холма.
Сосредоточен,
Старик с бородкой реденькой,

И внук
Подкрался к деду с фотоаппаратом,
Чтобы похвастаться потом ребятам
Прекрасным кадром, —
Как на склоне лет
В бинокль смотрит восхищенный дед.
А дед все продолжал смотреть в бинокль,
Следя за пастухом
Сквозь толщи стекол,
Как тот со спидолой —
Там далеко-далёко
На выпас стадо гнал
За перевал.
Я с дедом разделял его восторг,
И внука поздравлял с отличным снимком,
И, как мальчишка, вскачь,
Не чуя ног,
Сбежал с холма
По брызжущим росинкам.
Но не ушел от юрты далеко.
Вернулся я, поправил одеяла
На спящих детях.
Сердце ликовало!
И пенное, от жара, молоко,
Из рук моей золовки принимая,
Как в детстве, торопясь и обжигаясь,
Я пил его по-взрослому легко.

НАША ДРУЖБА

Подружился навсегда с казахом,
Не за бешбармаком в белой чаше,
Не за белой пиалой с кумысом
Наша дружба наполнялась смыслом.
Ведь знакомство состоялось наше
Не за милой мирною беседой, —
Подошел к казаху я, соседу,
В блиндаже, среди болот и снега,
Пуль свистящих, взорванного неба.

Подружился навсегда с казахом.
По врагу стреляли, стоя рядом,
У костра сидели, двое, рядом.
Помогали каждый раз друг другу,
Табакom делились мы и кашей,
Как одну натруженную руку,
К котелку тянули руки наши,
Радовались каждой дымной ложке
Пшениной каши, плотной, как лепешки.

Подружился навсегда с казахом
Не за пышным пиром, как велит нам
Наш обычай древний — двум джигитам.
Не дарил парчового халата,
Ни коня
И щедростью не хвастал,

Чтобы вызвать гордость у собрата
И азарт.
Бесценные богатства
Дружбы обрели мы под метелью:
Укрывал меня своей шинелью,
Раненного. И на поле брани
Рану перевязывал казаху.
Много нам досталось испытаний.
В госпитале, беспросветно белом,
Пахнущем карболкою и мелом,
С инеем на окнах, в марле белой,
В госпитале, будто поседлом,
Оказались мы в одной палате,
И стояли рядышком — кровати.

Подружился навсегда с казахом,
И не знает наша дружба страха.
Ничего она не утратилась,
Столько крови видела, беды,
На войне навеки закалилась,
Дружбы нашей сладостны плоды.

ЛАДОНЬ

Меня дочурка обняла, лепечет.
Ладошки милые целую, плечи.
И в этот миг — пускай простит дочурка! —
Я памятью своей уже далече.

Мой друг Самак встает передо мною,
Мы оба с ним застигнуты войною.
Когда смолкают пули над окопом,
Всех веселит он шуткой озорною.

И петь умеет. Лишь притихнет рота,
Уставшая от долгого похода,
Такие выдаст жаркие куплеты,
Что не страшны ни пули, ни болота.

Однажды на рассвете, рано-рано,
Ко мне подходит, смотрит странно-странно,
Потом конверт, протершийся на сгибе,
Он достает неспешно из кармана.

Его кладет на дно своей фуражки
И, улыбаясь, вздох роняет тяжкий.
— Вот сын мой, — говорит, — взгляни на сына! —
Но я пятно лишь вижу на бумажке.

В том блиндаже с бревенчатым накатом
Пятно светлело это: отпечаток
Ладонки детской, пальцев-крохотулек
Увидел на бумаге сероватой.

Сиял Самак: мол, наконец друг понял.
На что глядел, проснулся все же, соня.
Он под щекой держал во сне бумажку
С тем отпечатком крохотной ладони.

О, сколько раз тот зыбкий отпечаток
Самак и перекладывал и прятал
То — в гимнастерке, то — в своей шинели,
Как талисман, его берег он свято.

В какой огонь война нас ни бросала,
Какими ужасами ни пытала,
Но вот однажды ворвались в село мы,
Со всех сторон село уже пылало.

И тут-то крик услышали ребенка.
Он звал на помощь. Голос тонко-тонко
Дрожал. К стволу привязанный веревкой,
Не мог он выпростать свои ручонки.

Перед его мольбой и хлипким криком,
Перед веревкой, свитой повиликой,
Мы замерли, как вкопанные встали,
Один Самак не растерялся, —

МИГОМ

Через огонь перемахнул он ловко,
В слезах от радости обнял ребенка,

Не увидал привязанную мину —
Ее взорвала, дернувшись, веревка.

Но дальше я рассказывать не в силах,
Земля, казалось, небеса затмила,
И от двоих осталась лишь ладошка,
Еще она мгновенье шевелилась.

Я забываю многое с годами.
Ах, память, что творишь порою с нами, —
Но о войне кто б ни сказал и где бы,
И вновь ладошка та перед глазами.

НЕУЖТО?

Острее ум и проницательней глаза, —
И человек творит сегодня чудеса,
И, как земля, открылись людям небеса.

Не суетясь, заходит счастье в каждый дом,
Благоухая фантастическим цветком —
Звездой пылающей на куполе ночном.

Все краше девушки и парни на земле,
Теплей дома, как звезды высятся во мгле,
Их этажей не счесть, как веток на стволе.

И все величественней человек, сильней,
Все больше властвует над ходом лет и дней,
И правду чувствует, не разлучаясь с ней.

Построить может все и вмиг все разнести.
Неужто разум подведет его в пути
И даст он землю нашу в пропасть унести?

ГОРНЫЕ ЕЛИ

Я оглядел знакомое ущелье, —
В низинах и на склонах и везде —
На выступах, на гребне, из расщелин
Вставали ели в гордой красоте.

Вдали от вечных споров и наветов,
Без зависти друг к другу испокон,
В низине ели, под гудящим ветром,
Тем помогали, кто взошел на склон.
Никто здесь не искал теплей местечка,
А те,
На недоступной высоте,
Взирали вниз доверчиво, сердечно,
Как равные товарищи в беде.

Стояли всюду крепко, непреклонно
И, вместе слившись на ветру крутом,
В низине, и на гребне, и на склоне
Свой дружно горный защищали дом.

СЧАСТЬЕ, СЫТОСТЬ, РАДОСТЬ

Не из тех я, кто от счастья прочь бежит.
Сам иду к нему, но если через край,
Как вино течет, испытываю стыд,

Как за пролитое на столе вино.
Я ведь счастьем сыт — за пазухой лежит,
А к другим приходит изредка оно.

Вкусной пищей я доволен, но щедрот
Всякой пищи как излишества боюсь,
И не больше ем, чем выдержит живот, —

Потому что перед взором моих глаз
И бесправные и нищие стоят,
Кто мечтает — хоть насытиться бы раз.

Я легко схожусь с другими, веселюсь,
Но я сдержанность в веселии люблю,
Шум и глупый смех мне навевают грусть.

Если радуюсь, я делаюсь мудрей, —
Обострен мой слух: и слышу далеко
Грохот пушек, вижу слезы матерей.

КОНИ

Красивы издавна, прекрасны наши склоны,
Когда в горах пасутся наши кони.
Киргизы исстари садились на коней, —
Чтобы с врагом сражаться непреклонно.
С коня невесту оглядеть, как с трона,
Пред тем, как песнь сложить во славу ей.

Мы сызмальства росли на конях горделивых,
Лились на гривы слезы молчаливо,
И вырастали и старели мы в седле.
Киргиза взор всегда сиял счастливо,
Когда из-под копыт коней строптивых
Летели искры звездопадом по земле

И оглашались эхом всюду скалы.
Ценнее золота, алмазного кристалла,
Как прежде, кони ценятся сейчас.
И на плечах горы, где месяц алый
Сидит, покамест сердце не устало,
Резвятся кони, призывая нас.

Пока есть горы, и киргизы будут,
Пока есть кони, не скудеют люди,

Вскормите ж необъезженных коней,
Кумыс храните в дорогой посуде,
Пусть ржанье жеребца нас утром будит
При первых вздохах солнца и теней.

Я — ЧЕЛОВЕК

Я — человек, не камень без движенья.
Душа моя — вместилище волненья.
Порой всех обгоню — и на вершине,
С далеких скал, машу рукой равнине.
А то в пути отстану я порою,
Растерянно стою перед горою.
А иногда, как старец многомудрый,
Степенно день вершу свой многотрудный.
Порой я восторгаюсь, как мальчонка,
Подняв с земли жучка иль муравьенка.
Порой бегу — завидуют подростки.
Порою — семеню по-стариковски.
В иные дни — люблю столпотворенье,
В иные дни — ищу уединенья.
Бывают дни — неистово пылаю.
Бывают дни — сжимаюсь, замерзаю.
Порой смеюсь — и не остановиться,
Порой от слез — слипаются ресницы.
Порой хвалю себя, порой — нещадно
За ту хвалу казнюсь я троекратно.
Я — человек, — душа моя, что пламень,
И голова — не камень над плечами.

У ОГНЯ

Дремлют овцы после выпаса дневного,
Лай далекий слышен пса сторожевого,
И, выщелкивая красный уголечек,
В юрте до́ ночи огонь горит багрово.

Пламя лижет дно широкого казана,
И глядит старик на пламя непрерывно,
Словно молодость в огне речистом слышит,
Но ее не разглядит из-за тумана.

Пылкий нрав он вспоминает давний-давний,
С горным паводком сражался он, как равный,
И по скалам к синей бездне поднебесья
На коне своем он поднимался славном.

Вспоминает он о жарком внешнем цвете,
О единственной любви своей на свете,
Как он гладил косы девушки и сколько
Было пуговиц на девичьем жилете.

Вспоминает, как влекла его работа,
Как среди людей и он достиг почета,
И хоть в гору шел легко, но оступался,
Жизнь как жизнь, нет-нет споткнешься

обо что-то.

Вспоминает всё старик, всё вспоминает:
О дождях, что с гор потоком хлещут в мае,
О морозах, от которых в дрожь бросает,
И о том, как голодал он, вспоминает.

О друзьях своих живущих и о мертвых,
То — порою — мягких, то, как камень, твердых,
Вспоминает красных конников, когда-то
Провожал он их на склонах этих горных.

Вспоминает мать, которая вскормила
Мальчугана в юрте нищего айла.
Где же мать его прекрасная, живая?
Теплый дух ее сокрыт давно могилой.

Вспоминает он одних — с благословеньем,
Вспоминает он других — с долготерпеньем,
А кому-то шлет негромкое проклятье,
И тогда он жару задает поленьям.

Вспоминает, как его правдивость, твердость
Вызывали в ком-то злость, а в ком-то гордость,
Хоть ему-то в том немного пользы,
Не смирялся он, увидев чью-то подлость.

Вспоминает дни, когда бывал доволен,
Вспоминает с грустью дни, когда был болен.
Вспоминает, как он льстил порою кому-то
И казнил себя за слабость и безволие.

Вдаль идут воспоминаний караваны:
Люди — то ему любезны и желанны,
То — других забыть старается он тут же,
И глаза его становятся туманны.

Жизнь пред ним раскрыла тайники и тайны,
Умудрен он, видит все необычайно,
Но цепочка лет короче, все короче,
Поистерлась и звенит она печально.

Через век свой неторопко пробираясь,
На огонь глядит, что сын развел стараясь,
На старуху свою, моющую миску,
На невестку, что, все время озираясь,
Для него кумыс взбивает непрестанно,
И молчит старик. С джайлоо воздух пряный
Долетает. Дух арчи и дух кумыса
Он вдыхает над казаном, словно пьяный.

Дремлют овцы после выпаса дневного.
Лай далекий слышен пса сторожевого,
И, выщелкивая красный уголечек,
В юрте дó ночи огонь горит багрово.

РАЗДУМЬЯ НА РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Земля родная, загрустил я почему-то,
Хоть на твоей постели мягкой, изумрудной
Лежу, глазами провожая ручеек.
Быть может, для других невидимое чудо
Я разгадал в ручье и удержать покуда
Его хотел, оно — сменило свой чертог.

Или все более, приверженец простора,
В тебя влюбляюсь я, земля, в твой каждый
куст, —
А может быть, перевалив уже за сорок,
Размяк и скрыть уже не в силах своих чувств?

Я исходил твои долины все и склоны,
Теперь лишь оценил я твой убор зеленый
И оберечь хочу от пагубы тебя,
Не только деревья — и ряску, и затоны,
И лягушат твоих. Порою разлученный
С тобой, тебя к другим краям ревную я.

Смотреть мне тяжело, как бегут твои косули
К чужим верховьям, как редет пышный лес
И реки и ручьи, звеневшие как ульи,
Мелеют на пути и не поют окрест.

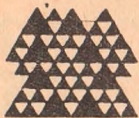
Земля родная, почему за водопадом,
Так оголилась ты, печальным смотришь взглядом?

На что глядят твои джигиты в этот миг,
Когда, оглохшая от страшного заряда,
Немеет рыба
Возле нерестов своих?

Услышь, земля моя, сыновьи откровенья:
Я не питаю даже к мухам отвращенья,
Но больно мне, лицо мне обжигают слезы,
Когда твой чирганак¹ без всякого смущенья
Подпаливают жаром папиросы,
Когда в лесах твоих и вдоль ручьев негромких
Порой бутылочные вижу я осколки.

Ведь каждый куст твой нас в лицо, конечно, знает.
Не зря, когда цветешь, и мы цветом с тобою,
И, к ручейку склонясь, в его язык вникая,
Я за тебя еще сильнее беспокоюсь!

¹ Чирганак — облепиха (киргиз.).

ГОРЦЫ

Хоть ты большой начальник, но чин свой позабудь,
Не мни себя особой, в горах свершая путь.
Для горца чин твой важный, поверь мне, ни к чему,
И если ты — отважный, еще и скромным будь.
Не называй отсталым ты сына снежных гор,
А назовешь так горца — и навлечешь позор.
Своей досады горец тогда не утаит,
Хоть на коне гарцуй ты, гони во весь опор.
Пусть яблоки на склонах не вырастают здесь,
Но нет плодов червивых, хоть здесь — плодов
не счесть.

И никаких подарков для нас не припасай,
Но если ты спесивый, оставь в дороге спесь.
Ты лучше запасайся дарами доброты.
Но если ты изменчив, душой не верен ты,
У самого подножья оставь ее, забудь,
Запрячь ее подальше, взирая на хребты.

Когда узнаешь горца, когда его поймешь,
Тебе отдаст он шубу, отдаст свой лучший нож,
Не то что бок бараний, отдаст он всю овцу
И чашею айрана согреет в снег и в дождь.
Напоит и накормит, от ветра заслоня,
Не одного тебя он и — твоего коня,
И без расспросов лишних желания твои
Он отгадает тут же — среди ночи и среди дня.

Как ясный и прозрачный прохладный горный ключ,
Вот так же горца разум и ясен и могуч.
Слова свои в наряды не надо наряжать,
Когда ты рядом с горцем достигнешь снежных круч.
С веселым простодушьем, под звонкий стук копыт
Уходит в горы горец, всегда душой открыт.
Не будь лишь пустословом и камешками слов
В дороге не швыряйся, обидится джигит.
Слова у горца словно жемчужин ярких нить, —
То слово или жемчуг — порой не различить.
Дурное скажешь слово, услышишь ты в ответ
Такое, что вовеки тебе не позабыть.

ВЫСТРЕЛ

Горы спят, прислонившись друг к другу,
Наслаждаясь предутренним сном.
Гаснут звезды. Светлеет округа.
Озеро блещет робким стеклом.

На покорно сияющей глади
Проступает румянец зари.
Листья замерли, в стеклышко глядя,
Так сияет оно изнутри.

Все покойно в горах, и прозрачна,
Как стекло озера, тишина,
Но в мгновенье становится страшно, —
Вероломная пуля слышна.

В озеро
 камнем падает утка
И стекло разбивает вдрызг, —
И в осколках оглохшее утро,
Вся рассветная добрая жизнь.

КЛУБЯЩИЕСЯ ОБЛАКА

Я лежу на взгорье, а внизу, далече,
Юрты, и мальчишки, и стада овецьи.
Тишина в джайлоо. Над крутой горою
Растянулись тучи черною грядою.
Растянулись тучи с огневым зарядом,
Облака клубящиеся где-то бродят рядом.
То, как реки, движутся с пенными валами,
То, как шерсть, взбиваются пышными клубками,
То, как пыль, рассеются, выйдя на просторы,
То, как горы хлопка, обступают горы.
Так они и движутся толпами с рассвета,
Облака клубящиеся — мысли мои это, —
Думы мои, думы в странном беспорядке,
Так они и движутся в поисках разрядки.

Я лежу на взгорье, на траве зеленой,
Я лежу раскинувшись, небом изумленный.
Облака клубящиеся — мысли, мои мысли,
Вы не разленились, вы и не раскисли,
Где-то соберетесь, проливаясь благом
На поле, на гору, по сухим оврагам.

НАЗИДАНИЯ АКСАКАЛА

Чем век в чужих руках быть мылом,
стертым, жалким,
Уж лучше в день сгореть,
огнем сверкая ярким.
Чем лужей стыть весь век,
прокисшей, одинокой,
Уж лучше сверху вниз —
лететь шальным потоком.

Чем богачом трястись
весь век в дому доходном,
Уж лучше бедняком прожить хоть день —
свободным.

Чем быть хоть час врагу
чинарою тенистой,
Уж лучше на корню
засохнуть в поле чистом.

Чем палкой золотой
в руке врага болтаться,
Уж лучше костылем
быть под рукой страдальца.

Чем быть в стране чужой
 властителем и богом,
Уж лучше быть в своей —
 пусть нищим и убогим.

В. Гюго

Чем древком стать врагу,
уж лучше тропкой в роще,
Которую народ твой
днем и ночью топчет.

ЖАВОРОНОК

Из всех пернатых первым он проснется
И в небо предрассветное взвоется, —
Зальется жаворонок-чарсдей,
Своею песней пробуждая солнце,
Дома и горы, окна и оконца,
Не прячась, как за веткой соловей.

Хоть с соловьем он не идет в сравненье,
Зато с рассвета жаворонка пенье
И пастухам на радость и стадам,
И сеятелю на́ поле весеннем
Оно несет приливы вдохновенья
И пробужденье — девичьим мечтам.

Без устали слагает свои песни,
Одна другой и звонче и прелестней,
И все они — о радости земной.
«О человек, почувствовал бы если,
Как жизнь щедра, — поет он в поднебесье, —
И ты бы в поднебесье был со мной!»

Поет певец.

Я предаюсь мечтаньям,
Смакую жизнь тогда лишь — утром ранним!

Всю суету забыл в ней: укоризны,
Заботы, ссоры. Трепетным дыханьем
Ловлю я каждый звук в дневном сияньи,
И хочется мне долгой-долгой жизни.

ДЖИГИТУ-ГОРЦУ
(Песня девушки)

Сколько раз на горы я глядела утром,
Сколько раз чуть свет я распускала кудри,
Сколько раз наряд свой белый надевала.
Нынче снегом ветки густо обметало, —
Почему ж, джигит мой, ты ко мне не едешь?

Из-за гор высоких прилетают птицы,
Из-за гор и ветер вместе с снегом мчится,
Из-за гор приходят каждый раз к нам вести,
С гор ручьи стекают, чтобы мчаться вместе, —
Почему ж, джигит мой, ты ко мне не едешь?

Я ХОЖУ ЗА ТОБОЙ ПО ПЯТАМ

Мы — босые — идем по ложине, по мягкой траве,
Красный свет костяники мы ищем в росе-серебре.
От дождя каждый раз укрываемся мы в шалаше,
Утопающем в сочной и плотнослоистой листве.

Как-то вышли наружу, и замерли мы над рекой:
Близко радуга шла, опускаясь на берег другой, —
Мы за нею спешили, речушку мы вброд перешли,
Так была она близко, казалось, у нас под рукой.

Близким взгорье казалось, куда занесла свой конец,
Как факир убегала, неся семицветный ларец,
Увлекая детишек и путая их каждый раз,
На хребте недоступном присела она наконец.

Как за радугой той, за мечтою своею бегу,
Все надеюсь, ее догоню я на том берегу,
По пятам, словно дети, за нею лечу босиком,
Два конца вижу рядом, достать ни один не могу.

КАРАМОЛДО¹

Ольджабаю Орозбиеву

Зачем мы, современники, порою
Великого обходим стороною
И воздаем ему лишь после смерти,
Лишь после за него стоим горою?

Ну, кто из нас оспорит дар чудесный
Карамолдо, комуз его прелестный,
Ведь без него мелодии киргизов,
Как кони дикие, неслись над бездной.

О, если б стих мог уберечь от смерти,
Напряг бы силы, проявил усердье,
Карамолдо своим стихом я спас бы,
Его бы отнял я у жадной тверди.

О, как работал он — и дни и ночи, —
Над каждым звуком вновь сосредоточен,
Жизнь удлиняя музыке киргизов,
Свою сжигал он, делал все короче.

О, дар творца народу был огромен.
И скромно жил творец в киргизском доме,
Комуз его был прост, как сам хозяин,
И так же, как хозяин, был он скромнен.

¹ Карамолдо — выдающийся киргизский композитор, композит.

Карамолдо и Иссык-Куль — два брата,
Два озера, волнение их свято,
Но Иссык-Куль волнуется открыто,
Карамолдо — свои печали спрятав.

Два озера, не знающих покоя.
По капельке слилось в них все живое.
Начало всех начал — и мысль и чувство, —
Бескрайнее звучание родное.

СЫН КРУГЛОЙ ЮРТЫ

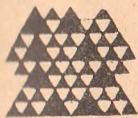
Лошади машут понуро хвостами,
Мух отгоняя, стоят под скалой.
Круглая-круглая юрта над нами
Первая здесь нарушает покой.

Голос младенца летит по округе
И поднимается в горную высь,
Всех извещая, что в белой и круглой
Юрте родился миллионный киргиз.

Может быть, имя рожденного ныне
Мир облетит, когда вырастет он,
Будет, как горное эхо в ложбине,
Передаваться со склона на склон.

Может, мальчишке, что будет здесь мчаться
На хворостинке вокруг юрты родной,
Выпадет в мире огромное счастье
Слать позывные планете земной.

И где бы он ни был и где ни пребудет,
А думать ему обо всех, обо всем:
О каждом живущем, о сказочном чуде —
О круглом, как юрта, о шаре земном.

* * *

О весне не пишется весной,
Я спешу весною насладиться,
И весна овладевает мной,
Словно небом засиявшим птица.

На траве, раскинувшись, лежу,
Растворившись весь в весенней неге,
И стихотворение пишу
О летящем в небе первом снеге.

Да и той, с кем встретился впервой,
Не сложить мне с ходу свои строки,
Легче написать мне о другой,
Радостней писать мне — о далекой.

УДИВЛЯЮСЬ

То — встречу хмурого, то — встречу озорного,
То — встречу доброго, то — злого, то — скупого.
Сам человек, я удивляюсь человеку,
Не в силах тайн понять характера людского.

Вот человек на снежных скалах удержался!
Почти достиг желанной цели — у подножья,
На гладком месте в бездну он сорвался.

Знал победителя. Он — вражескому стану
Такое задал, позавидуешь невольно,
Но тут же сник он, родичем обманут.

Такого видел — не обидит даже твари,
Он муравья боялся зацепить подошвой,
А человека ни за что ударил.

Солдата видел я — отменного рубаку,
На вражий танк пошел один, не побоялся,
А пред ничтожеством поддался страху.

То — встречу хмурого, то — встречу озорного,
То — встречу доброго, то — злого, то — скупого.
Сам человек я, удивляюсь человеку,
Не в силах тайн понять характера людского.

ПОТ

Да, друзья, священен пот, что в труде прольется.
Да, друзья, священен тот, кто трудом упьется,
Пот тогда с него течет, словно капли солнца.

Но бывает пот иной: с жирного затылка —
Лежебока этот пот проливает пылко,
Для себя лишь он живет — грузная копилка.

Право, от него нам быть лучше бы подальше,
Кто живет лишь для себя — не живет без фальши.
Нам — вставать на ратный труд, да вставать
пораньше!

С хлопкороба пот течет цвета золотого,
И с шахтера пот течет в глубине суровой.
Белый хлопок, антрацит — жизни всей основа.

Круглым озером в печи дышит сталь, упруга,
Алый пот бежит со лба, с шеи металлурга,
Будто сам он эта сталь огненного круга.

На хирурга посмотри, на его заботу, —
Сквозь повязку надо лбом — тоже капли пота,
Ведь спасает чью-то жизнь, весь ушел в работу.

Пот стекает в три ручья — стонет роженица,
Хоть рукой прижала рот — в муках вся томится,
Пот стекает в три ручья — человек родится!

Кто посмел бы нам сказать, что земля ленива?
Вся в поту искрится вновь, так она радива, —
Ведь рождает каждый год нам весну на диво!

ОСОБЕННО

Кумыс — казаха брат — слаще мне шербета,
Особенно когда —
Из рук казашки юной.

И песнь казахская как первый луч рассвета,
Особенно когда —
Из уст казашки юной.

И танец — вихрь, пыланье вешнего расцвета,
Особенно когда —
Вокруг казашки юной.

Казахский слог как ручеек в начале лета,
Особенно когда —
В словах казашки юной.

КАРТОФЕЛИНА

Исраилу Сулайманову

Мы с другом шли. Сияло небо голубое.
На тихой улочке в тени густых ветвей
Гоняли, будто мяч, картофелину двое,
Резвились мальчики, цены не зная ей.

Мой друг задумчиво глядел на поединок,
Он, как и я, давно покончивший с войной,
Был вновь захвачен той печальной картиной,
О коей прежде говорить не смел со мной.

— Бредем мы, пленные. Мы стали легче тени,
Нигде ни крохи нам в пути не наскрести,
От жажды, голода сгибаются колени,
А конвоиры — позади и впереди.

Но вот картофелину около дороги
Увидел пленный, просиял, нагнулся к ней,
И тотчас грохнул пистолет в руке жестокой, —
И рухнул пленный среди пыли и камней.
Вот — вся история. Так пленного карали.

Друг замолчал, но все глядел, как там, вдали,
Крича, картофелину мальчики гоняли,
Ее отнять все друг у друга не могли.

КРАСКИ ДЖАЙЛОО

В «джайлоо», в слове этом, — цвет зеленый
Я вижу, не густой, а разведенный,
А цвет кустарника, арчи, кислички,
Цвет подлинный, землею пробужденный.
Когда коня привел, джайлоо окрыленный,
Он ел, и пил, и ржал, от всех коней отличный.

Обрывом ехал я, свернув с дороги,
И сурик красный с краю глянул, строгий,
Предупреждая седока и лошадь
О камешках, несущихся в потоке.

Когда доехал до своей ложбины,
Блеснули ало ягоды рябины,
Взяв моего коня, девчонка в красном
Пылала жарче чистого рубина.

И сам я раскраснелся, узнавая
Друзей, родных, и, как они, пылая
Румянцем, вновь стоял я восхищенный,
Как мальчик, занавеске удивляясь
Из нитей красных, солнечных, зеленых.

Моя сестра кумыс всем разливала,
И белолицая молодка подавала
Напиток белоснежный в белых чашках

И все внимала речи аксакала,
Что белою чалмою был украшен.

И если мальчик в рубашонке белой,
Которая была белее мела,
Вдруг ерзать начинал, отец ребенка
Вмиг умирал беспечного пострела.

Когда во двор мы вышли, пес пречерный
Пред нами завилял хвостом покорно,
Равниной конь носился светло-серый,
И самолет белел — над высью горной.
И от коня, от самолета тени
Шли по земле, как бы храня равенье.

Спят облака, к хребтам склонившись низко.
Все голубеет: небо, горы. Близко
Дым голубой взвивается над юртой,
И голубая речка мчится быстро.
Джайлоо весь сверкает, изумрудный.
Как этот склон покинуть?

Трудно, трудно!

ПРОСЬБА

В горах скакал я на коне нередко,
Скакал, скалой любуясь, каждой веткой.
Глухие шорохи заслышав где-то,
Казалось мне — я слышу голос предка.

Бродил пешком я по ложбинам горным,
Рождали речки мерный гул моторный,
Там слышал песнь прабабушки любимой,
И эта песнь была нерукотворной.

От дивной песни крепи мои силы.
О предках думал я, но след простыл их, —
На склонах и на гребнях поднебесных
Нигде не встретил ни одной могилы.

О горцах спросит человек бывалый,
Когда увидит наши перевалы:
«Чем отличаются от прочих горцы?»
И сам в пути ответит: «Люди — скалы!»

И, словно скалы, вросшие в лощины,
Вдруг возникают горские мужчины:
Как из породы, вырублены лица
И временем спрессованы морщины.

И где бы горцы ни скитались, горы —
Единственная в жизни их опора,
И рано или поздно возвращались
Они в свои высокие просторы.

В горах охотясь, горцы упоенно
Склонялись к скалам, словно бы к знаменам,
И без гробов их хоронили горы,
Под снегом белым, под зеленым склоном.

О горы мои, вечные твердыни,
Несломленные вечные святыни,
Как памятники дальним нашим предкам,
Сияют ваши склоны и вершины.

Пусть жизнь моя немногим лишь похожа
На жизни предков; прах их не тревожа,
Когда умру, меня похороните
В ногах горы, у самого подножья.

И пусть мне памятником будут горы,
Глядящие в бездонные просторы.

ДРУГУ, ПРИЕХАВШЕМУ В ГОСТИ

Ты впервые в гостях у нас, друг дорогой,
Посмотри ж, Ала-Тоо ты видишь впервой.
Не хвастун я, по миру поездил и я,
Есть и земли получше, да не сыщешь такой.

Видно, мастер искусный, вставая чуть свет,
Эти горы гранил и хранил тыщи лет,
Ледником то любуясь, то гребнем горы,
Дар певца обретал ни один здесь поэт.

Облака провожая со склонов крутых,
Здесь с трепещущим сердцем зриаешь на них
И на те, что в озерах застыли на миг,
И на те, что на гребнях скользят снеговых.

А взойдешь на хребет! Красно-огненный мак
Над обрывом трепещет, как огненный стяг.
И, совсем замирая, глядишь ты на склон, —
Мак, тюрбан свой склонив, подает тебе знак.

Пробираясь сквозь чащи и камни тесня,
Закипают здесь реки от зарева дня,
И поют, за строкою слагая строку,
Твою душу, как эти отроги, граня.

На джайлоо взгляни ты с крутой высоты,
Словно низкий туман, склон покрыли гурты.
И грудной голос времени ты ощутишь
В редких песнях пастушьих, лишь вслушайся ты.

А когда зажигаются лампы в горах,
И мелодия ветра звучит в проводах,
И столбы телеграфные смотрят им вслед,
И автобусов свет блещет в фарах-глазах,
И сверкают они, освещая хребет,
Я, как свет этот дальний, и сам в небесах.

И не только сегодня при вешней заре,
Вечна песнь Ала-Тоо, как высь в серебре.
Не дивись, что поэтов здесь много, мой друг,
Знай, что песни сокрыты здесь в каждой горе,
И не зря ведь в сердцах пробуждается стих,
Если сотканы горы из песен самих.

НОЧЬ НА ИССЫК-КУЛЕ

Мы на ночлег расположились поздно,
Но я не мог уснуть под небом звездным,
Смотрел в глаза мне Иссик-Куль, и мысли,
Как звездный рой, ночной объяли воздух.

Переминаясь у воды озерной,
Я видел: тонут звезды в ней, как зерна,
И, ощущая трепет этой ночи,
В ночной песок проваливался, черный.

О Иссик-Куль, душа вселенской ночи, —
Пути к тебе не знаю я короче,
Я крылья ощутил в одно мгновенье
И в озеро влетел, смежая очи.

Тоска моя вся выплеснулась мигом,
Когда предстал перед вселенским ликом,
Я в озеро влетел, разбрызгав звезды,
В тот миг себя я ощутил великим.

Не веет ветерок. Вокруг спокойно.
Вода достойна неба, и достойно
Оно воды. И поровну им — звезды
Даны, равно как этот воздух хвойный.

Не различить, где озеро, где небо.
Я — космонавт, как твердь земная, крепок.
Я — невесом, я в космосе витаю,
И пахнут звезды азиатским хлебом.

Я повидал в ту ночь чудес немало.
Душа моя, как в детстве, ликовала —
Без всякого скафандра или шлема,
Без тяжести вселенского штурвала.

**КУМЫС,
ПРИВЕЗЕННЫЙ С ДЖАЙЛОО**

Была пора, когда над головою
Стояло солнце огненной горою,
В домах повсюду раскрывались окна,
Но день переполнялся духотою.

Дышали жаром окна, двери, стены,
Гудки машин, фабричные сирены,
И, весь уже расслабленный жарою,
Я думал о джайлоо, как спасенье...

Вдруг, прежде чем «Салам!» сказал приезжий,
За дверь проник кумыса запах свежий,
Как будто друг, с которым был в разлуке,
Привез с горы мне воздух белоснежный.

Забыл жару я, и не стало жажды,
И ликовал, глоток смакуя каждый.
Под потолок мой облака вставляли
И двигались, как белые барашки.

Текла прохлада из долин зеленых.
Задвигался ковыль. Цветы на склонах,
Тесня друг друга, к дому подходили
В своих неувядающих коронах.

Наполнился мой дом благоуханьем,
И жеребца слышалось мне ржанье,
Летел косяк и дружным конским топом
Пронизывал всю землю содроганьем.*

И, словно колокольчики степные,
Привстав на ножки, робкие, худые,
Косяк печальным взглядом провожая,
Заржали жеребята голубые.

С горы, в платочке алом, в платье красном,
Идет горянка, и она — прекрасна.
А на холме, лицом друг пред другом, —
Седые старики сидят не праздно, —

Как могут лошадь тут же, с ходу, с места,
Вмиг заарканить, так они известья
В эфире ловят, прихватив транзистор,
Событья мира обсуждают вместе.

Я видел солнце, как оно простилось
С джайлоо и за гребни гор скатилось,
Червонным золотом хребты украсив,
Как красный жемчуг брызг несло светило

С реки на склон зеленый и высокий.
Еще я стан увидел черноокой.
И, как хрусталь, услышал смех звенящий
И песнь джигита возле самых окон.

Вот так я пил кумыс однажды летом,
Был поглощен его небесным светом,
Всего в одной лишь пиале с кумысом
Вместилось все, что вечно в мире этом.

Я ПОКЛОНЮСЬ ГОРАМ

Если поклонюсь, то только лишь горам,
Если упаду, лишь близко к небесам.
Видно, я рожден кружиться возле гор,
Видно, прикипел к горам с рождения взор.
Я травинкой каждой горной дорожу.
В каждой глыбе черной песню нахожу.

Если проживаю я в горах родных,
Сразу обретаю свой заветный стих.
Видно, вечно горы дарят свой напев
Ручейкам и рекам под листвою дерев.
Видно, всюду горы с голубых вершин
Заронили мысли в глубину лощин.

Если ввысь иду я, мне не труден путь,
Мерно бьется сердце, мерно дышит грудь.
Тайны поверяю лишь горам, и мне
Горы поверяют тайны, как родне.
Если поклонюсь, то только лишь горам,
Если упаду, лишь близко к небесам.

ЗИМНЯЯ ПЕСНЯ

К тебе на лайнере летел я белокрылом,
По небу синему стремительно парил он.
Покрылись инеем и брови, и ресницы,
Лишь вышел к трапу, к ледяным его перилам.

Ты не ищи перчаток, чтоб согреть мне руки,
И теплой шубы, чтобы тело грели шкурки,
Не надевай мне теплых валенок отменных
И жарко печку не топи после разлуки.

А лучше словом обогрей меня горячим,
Ведь друг без друга мало мы что значим.
Как обеднел я без тебя, сама узнаешь,
Ведь друг от друга ничего уже не спрячем.

СТРЕКОЧЕТ СОРОКА

Далек — аил.

Ручей бормочет одиноко.

В лесу, среди ветвей,

кричит свое сорока,

Какой-то разговор

ведет с упорством давним, —

Глядишь, дурную весть

накличет издалека.

И юная Джамал

в нее швырнула камнем.

Но голос вдруг в лесу:

— Прошу вас, осторожно. —

И вздрогнула Джамал —

поверить невозможно, —

Из армии пришел,

стоит ее любимый,

И обнялись они,

уже нерасторжимы.

Хоть целый час бубнит

им на ухо сорока, —

А кажется, поет, как соловей,

высоко.

СОБИРАЯ ДЖЁРГЕМИШ ¹

В детстве, на милых мне склонах,
Неутомимый сластена,
Бегал я, что косуленок,
Днем джёргемиш собирать.
Нынче с трудом я взбираюсь
К детскому милому раю,
Хоть шляпа легка из капрона
И зернам легко в ней лежать.

На том же остались месте
Те камни, ручьи, как прежде,
Их с детства приметил глаз.
Но тот джёргемиш почему-то
В подоле льняном, неуютном
Был слаще на вкус, чем сейчас.

¹ Джёргемиш — дикорастущее злаковое растение со съедобными зернами.

В ЗИМНЕМ ЛЕСУ

Онемел он, мается: стукнули морозы, —
Не успел на юг он, снег настиг внезапно,
Соловей, бедняга, проливает слезы.

Сердится кукушка: надоел ей холод,
Целый день взъерошена, ждет тепла, чтоб снова
К ней хоть на секунду возвратился голос.

Лишь одна сорока торжествует ныне,
Что зимой, что летом на соседей злится,
Все бубнит, стрекочет, жалкая в гордыне.

БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

Стихи, которые слагал я месяц целый,
Прочтет в мгновение знаток понаторелый,
А станут памятник, стоявший пять столетий,
Сносить, развалит вмиг его злодей умелый.

Чтобы к себе привлечь, расположить другого,
Пять тысяч лучших слов ты повторяешь снова,
А чтобы потерять родного человека,
Порой достаточно единственного слова.

Легко поклясться: «Я люблю тебя безмерно»,
Но не легко остаться этой клятве верным,
Легко кормиться материнским молоком,
Но оправдать его — нелегкий труд, наверно.

НА ПЕРЕВАЛЕ БЕШ-ТАШ

Беш-Таш — гроза тянь-шаньских перевалов,
Беш-Таш сердит, творит он зла немало.
Зимой и летом точит клык свой в небе,
То черен клык, то блещет он кристаллом.

Скрестились ледники на нем клинками,
Блестит их сталь, отточена ветрами,
Не то что беркут, реактивный лайнер
Летит через Беш-Таш, дрожа крылами.

Когда, тесня друг друга,
 мы прильнули
К иллюминаторам в небесном гуле,
Припомнил над Беш-Таш я
 о событье, —
Я вспомнил в этот миг
 о Токтогуле.

...Шел Токтогул не первые недели.
День ото дня виски его седали,
Через леса и степи беглый ссыльный
Брел, завернувшись в белый плащ метели.
Гудели ноги от большой дороги,
Гудело сердце от немой тревоги,
Истертые до крови страшным веком,
Порой едва передвигал он ноги.

Надежда стала Токтогулу пищей,
Водой живой, укрытьем и жилищем,
Душою стала для него надежда,
Богатством стала в странствование нищем, —

Светила, как светильник под рукою,
Из года в год вела ночью мглою.
Страшился одного — остановиться!
И сердце переполнилось тоскою, —

Рожденные дорогою печали,
В груди его мелодии звучали,
И песни, душу бередя акына,
Уже его нигде не оставляли.

И грудь его, как дерево комуза,
Иссохла, и страдальческая муза
Теснилась в ней и выхода искала,
Уставшая от собственного груза.

Дорогой мук и голода и горя
Дошел он до родимого предгорья
И наконец-то, подойдя к Таласу,
Услышал звук родного разговора.

Не только людям, бурдюку с айраном,
Козе родной, безрогому барану
Шептал слова он нежного признанья,
К земле своей склоняясь непрестанно.

Родную речь из уст детей и взрослых,
Как слезы счастья, пил седоволосый,
От счастья всех расцеловать готовый.
Плешивых — в голову и в нос — курносых.

Лицом к Беш-Таш акын стоял гонимый,
Киргизами воистину любимый,
Знал Токтогул, как перевал капризен,
Промедлишь миг, и он — недостижимый.

И хоть к его пленительным высотам
Он взором прикипел, перед народом
Не мог он устоять, внимая просьбам,
Решил к Беш-Таш отправиться с восходом.

Заночевал в Таласе он той ночью.
Ни есть, ни спать не мог, сосредоточен.
Родной Кетмень-Тюбе перед глазами
Вставал, будил, лишь закрывал он очи.

И только утро с краю проступило,
Встал Токтогул и вышел из аила,
Но тут же замер, на Беш-Таш взирая, —
Торчащий клык снегами сплошь укрыло.

Избавился, он думал, от Сибири,
От снега на её бескрайней шири,
А здесь его настиг он перед домом,
Бездомным вновь стоял он в этом мире.

О, сколько раз надежда за плечами
Вставала и спасала от печали,
Неужто здесь, перед родным порогом,
Она его оставила, отчаясь?

Но вот уже, как зыбкий луч, мелькнула,
И кто-то нежно тронул Токтогула:
— Ну расскажи, Токо, нам о Сибири. —
Толпа пред ним сочувственно вздохнула.

— Я пережил такие муки ада,
Но говорю: терять надежд не надо,
И сгинет тьма, что очи нам застлала,
Как этот пласт ночного снегопада.

Стараясь быть один щедрей другого.
Акына чтя, как близкого, родного,
К нему радушны были все в Таласе,
А он душою был к Беш-Таш прикован.

О, дни зимы, о, снега наважденье,
О, ночи, словно годы в заточенье!
Во сне он видит сына Топчубая,
Но коротко с ним милое общенье.

— Токо, Токо! — зовет он и смеется.
И снег не снится, снится только солнце.
Везде он слышит только о хорошем,
Но страшен миг, когда акын проснется.

И наяву, спасительными снами,
Живет он, наблюдая за горами,
Но видит не один Беш-Таш — все склоны
Спокойными усыпаны снегами.

Как лакомится мальчуган урюком,
Так Токтогул — надежды сладким звуком,
Но дни лениво, как воли, плетутся,
Не в силах целины разрыхлить плугом.

Но как-то утром в покрывале снежном
Акын увидел стебелек-подснежник.
Один, другой на солнечном припеке,
Как будто струны на комузе нежном.

Он — ликовал. Роняли скалы всюду
Крутые шубы снежные и грудью
Распахнутой вокруг они сияли.
Сходились провожать акына люди.

Одолевая ледники и скалы,
По страшным кручам на коне скакал он,
Куда не то что люди — кайберены¹
Не каждый раз подняться рисковали.

О Родина, в горах ли ты, в пустыне,
Душа твоя — в твоём пребудет сыне.
Одна душа, что ты, что сын седой твой,
Не уживется сын твой на чужбине!

Тоску, что он копил в груди годами,
Тоску свою, тяжелую как камень,
Он вынес на Беш-Таш и, с гребня глядя,
Перед землей родной своею замер.

Узун-Акмат, резвясь, пред ним сверкала,
Он речку вброд переходил, бывало,
И воду пил сладчайшую. Сейчас же
Пред ней ему дыханья не хватало.

Теряя от волненья свои силы,
С коня слетел он, как птенец бескрылый,
Целует камни мокрые и травы,
И ветвь арчи, и ствол широкой сливы.

О, никакие муки и морозы,
Ни стук прикладов в спину, ни угрозы

¹ К а й б е р е н ы — горные козлы.

Охранников тупых, ни униженья,
Ни одиночка, ни в пути допросы
И ни клоповники в тюрьме, ни блохи,
Впивавшиеся в тело как занозы,
Ни ярость конвоиров тупоносых
Не вышибли из глаз акына слезы.

Сейчас он плакал.

Слезы те святые
Лились на травы, камешки родные,
В Узун-Акмат лились при провожатых,
Лились они, как небо голубые.

С трудом поднялся. Не держали ноги
Токо, и на виду киргизов многих
С усов он слезы вытер и, камчою
Стегнув коня, помчался по дороге.

...Когда, тесня друг друга,
мы прильнули
К иллюминаторам в небесном гуле,
Припомнил над Беш-Таш я
о событье, —
Я вспомнил в этот миг
о Токтогуле.

МЕДЕО

В Алма-Ату почему я осенью тороплюсь,
Не из-за яблок ли красных в сердце вскипает грусть?
Есть там гора Медео, как сахар, отменно бел
Снег на ее вершине, и сладок тот снег на вкус.

Не потому ли к Медео с первых дней в сентябре
Тянет меня, а встречу с Медео своей на заре,
И яблони всюду со склонов дружно кивают мне,
И запах девичьей кожи в яблочной кожуре.

И эти-то две причины, как рельсовые пути,
Ведут меня к Медео — скорей стихов припасти,
Насытиться духом яблок и цели своей достичь,
Чтоб быть, как Медео, стойким и, как Медео, цвести.

ПАМЯТНИК АБАЮ

Не бронзового вижу я
Абая, —
Лицо его живое, мудрый взгляд.
Мелодии и мысли слитный лад
Я слышу, на поэта вновь взирая,
И несказанно каждой встрече рад.

В Алма-Ате,
лишь выйду из вокзала,
Замру, облокотившись о карниз,
И чувствую: он — здесь,
в черте квартала,
Сейчас он спросит:
— Как живешь, киргиз?
Сумел ли написать стихи такие,
Чтоб завтрашнему дню они пришлись,
Или дурной
потворствуешь стихии
И ни во что
не ставишь свою жизнь?
На что дерзаешь,
видя день грядущий,
Или обманываешь
самого себя
И пышной розе
в днях быстротекущих

Пожухлый лист
 предпочитаешь ноября? —
Я про себя Абаю отвечаю,
В смущенье
 быстро
 мимо прохожу,
И каждый раз, как снова, зреваю,
И вновь ищу себя,
 и — нахожу.

МОЯ ЗВЕЗДА

«Далеко летят перелетные птицы,
Без компаса, карты не трудно им сбиться,
Ну как свою родину птицы отыщут,
Ведь тысячи верст до родимой границы?»

Меня ты спросила и, в небо уставясь,
Следила за лётom высоких красавиц.
А птицы летели, по звездам сверяясь,
Но этого ты не сумела представить.

О милая, все разъясню тебе просто:
Когда далеко уезжаю и поздно
Домой возвращаюсь, лечу я, как птицы,
И, словно они, доверяюсь я звездам.

Вернее, не звездам — звезде, чтоб не сбиться.
Звезда ты моя, я — летящая птица.
Тоскуя во тьме по тебе, дорогая,
Я знаю: в пути мне не пасть, не разбиться.

НЕ ВЕРЮ!

Давно звучит во мне спасительная нота,
Внушая сердцу моему, щадя его:
Да, это правда, что смотрела на кого-то
Ты до меня, в том нет худого ничего.
Но все ж не верю и поверить не смогу я,
Что ты смотрела так, как смотришь на меня,
Что так же ты ждала его в ночи, тоскуя,
Его встречала так же среди бела дня.

Давно звучит во мне спасительная нота,
Внушая сердцу моему тебя хранить:
Когда умру и ты найдешь себе кого-то,
Тебе во сне не докучать, и — не корить.
Но все ж не верю и поверить не смогу я,
Что ты посмотришь на него, как на меня,
Что так же будешь ждать его, в ночи тоскуя,
Встречать его вот так средь бела дня.

ДОРОГАЯ МОЯ

Паводок весенний огласился эхом,
Жаворонка пенье детским льется смехом.
Внемлет степь артисту, я же — снова хмурый, —
Почему ж весною не смогла приехать?

Склоны гор покрылись алыми коврами,
Все цветы раскрылись с теплыми ветрами.
Все цветет, и только я стою поникший, —
Почему ж и летом все ты за горами?

Все плоды спели, ветки пригибая,
Люди подобрили, на плоды взирая, —
Почему ж и осенью в горы не приехала,
Ведь плоды припас я, милая, родная.

Ты владеешь чудом — дорогим секретом,
Превращаешь всюду нашу зиму в лето.
Приезжай, любимая, и не будет вьюги,
Прикоснешься к снегу — вспыхнет вешним цветом!

СКАЖИ!

Иду долиной, ты идешь — долиной,
Взойду на горы — станешь седловиной,
Усеянной цветами голубыми,
А жарко мне — ты тенью станешь длинной.

А свалятся на плечи мне заботы —
Их гонишь прочь. В часы моей работы
Приходишь ты на помощь, превращаясь
То в снег, то в луч, объемлющий высоты.

Раскрою книгу — простиупаешь строчкой,
Войду я в сад — плодом свисаешь сочным,
Возьму комуз — и обернешься песней,
И сам я соловьем зальюсь восточным.

А заболею — исцелишь, конечно,
Мои надежды окрыляешь вечно.
А если тосковать меня заставишь,
Ты станешь моей думой бесконечной.

К реке сойду — вскипишь волной упругой,
Возникнешь вмиг из ничего, из круга,
Возникнешь ты из воздуха... Скажи мне,
Ну будет наконец у нас свой угол?

КОГДА Я УЙДУ

Мне все равно, я беден ли, богат ли,
Большим иль малым счастьем наделен,
Доволен жизнью, не играл с ней в прятки, —
Был трудным день, и радостным был он,
Но стал смотреть уже не без оглядки
На каждый месяц прожитый и год.

Проходит время, не могу не знать я
Того, что каждый знает наперед,
И, как ни грустно, смею ль отрицать я,
Что каждому наступит свой черед.
Пока не поздно мне, хочу сказать я:

Уйдет один, не насладившись славой,
Второй — своими дрязгами, хулой,
А третий, помня каждый рубль шершавый,
С одной сберкнижкой, с мыслью — о другой.

А я уйду как путник с легким грузом,
Легко переваливший за хребет.
Уйду, уйду, не утоленный музой
И красотою гор, струящих свет,
В последний раз послав горам привет,
Потуже струны натянув комуза.

ПОСТЫДИЛИСЬ БЫ ВЫ...

Один поет хлопковую коробку,
Другой поет, что любит хлебоборку,
Пастушку — только, каменщицу — только,
Поют везде, дерут повсюду глотку.

Закончив петь, откашляются важно
И молодцами мнят себя! И каждый
Считает, что свершил великий подвиг.
О, как они аплодисментов жаждут!

Для песен — остальные не пригожи,
На героинь любимых — не похожи,
На хлопкоробок, каменщиц, пастушек,
Послушаешь — они им всех дороже.

О, почему ж, душевные джигиты,
В страду вы по домам своим сидите
И не замените девчат на поле,
Хоть как-то, но девчат вознаградите!

За них табун постерегли бы, стадо,
Ночная усладила б вас прохлада,
Вы стали б пастухами наконец-то,
Строителями — то, что вам и надо!

Тогда «Люблю я...» пели б что есть силы,
Любимыми, собою бы гордились,
Пока ж не получается такого,
Драть глотку зря хотя бы постыдились!

Я доволен

Я воздухом доволен: сам от сажи
Себя он очищает каждый раз,
От нашей пыли — не обескуражен
И помощи не требует от нас.

Рекой доволен я, сама от мути,
От грязи очищается она,
Хоть мы же и грязним и баламутим
Ее от берегов крутых до дна.

И, как никем, я матерью доволен, —
Как небеса светла, не помнит зла,
Хоть отступись от материнской воли,
Хоть сколько б слез за нас ни пролила.

**С ВОСЬМОГО ЭТАЖА
ГОСТИНИЦЫ «АЛМА-АТА»**

Как я тоскую по тебе, Алма-Ата,
По пестрым улицам, по небу, по садам,
Здесь окрылились моя мысль, моя мечта,
Желаний рой не затерялся без следа,
И ты все дни мои живешь в моей судьбе,
И думать хочется — я по сердцу тебе.

Я узнаю, Алма-Ата, и твой Тастак,
Где прозвучал впервые мой солдатский шаг.
Ты провожала на войну, и на войне
В боях ты виделась и снилась мне во сне.
Дал клятву верности на улицах твоих,
Сама суди, коль я в наградах боевых.

Ты — мой светильник первый, город первый ты,
Самозабвенно полюбил твои черты.
Ты — первый мой урок, запомнившийся мне,
Мой черный волос — в густопенной седине.
Когда к тебе я приезжаю погостить,
Ты даришь мне стихи, с которыми мне жить.

Поверь же в искренность моих негромких слов,
С тобой расстаться мне, как сна лишиться вновь.
Моя душа, с тобой прощаясь, плачет так,
Как только может плакать грустный твой кияк.
Печален без тебя мне и короткий день,

Благословенна яблонь пышных твоих сень,
Когда бы в сердце тебя яблоком вместить,
Алма-Ата, как мне бы просто стало жить.

Истосковался по тебе, Алма-Ата,
По пестрым улицам, по небу, по садам,
Здесь окрылились моя мысль, моя мечта,
Желаний рой не затерялся без следа,
И ты все дни мои живешь в моей судьбе,
И думать хочется — я по сердцу тебе.

МОЕ СЕРДЦЕ

Стоит ли дрожать над каждым шагом, право,
На боку лежать,
И только лишь — на правом?
Не хочу следить за каждым вздохом сердца
И беречь его,
Как хрупкого младенца.
Не хочу из сердца сотворить кумира,
Чтобы мое сердце
Не заплыло жиром.
А случится так —
И песня моя спета, —
Перестанет сердце
Сердцем быть. Ни лета,
Ни весну, ни зиму не расслышит боле, —
К радости — глухое
И глухое — к боли.
Нет, не стану сердце, как младенца, холить,
Пусть в труды впряжется,
Словно вол на поле.
В жаркий пар бросаю, чтоб к жаре привыкло,
В воду ледяную,
Чтоб в мороз не сникло.
Нагружаю сердце — поднимаюсь в гору, —
Никакой поправки
Ни в какую пору!
Что есть сил сбегая по хребту крутому,

Чтоб привыкло к спуску,
Так же как к подъему.
Прижимаюсь к милой, чтобы сердце млело,
Чтоб оно расплавилось,
Только не сгорело.
Не бывает дня, чтоб побыло в покое, —
То — безмерно нежное,
То — вдруг озорное,
Всякое бывает —
Только не скупое.
И не трудно свойства сердца обнаружить,
Если вглубь взглядеться,
Не смотреть — снаружи.
А кому охота к сердцу присмотреться,
Достаю стихи я
Из кладовки сердца.
Если слезы лью я, то всем сердцем плачу,
А пою — не горло,
Сердце только трачу!

СОДЕРЖАНИЕ

Когда я вдали от гор	5
Участнику войны	6
Восхищаюсь	8
После войны	10
Во сне и наяву	11
Наша дружба	14
Ладонь	16
Неужто?	19
Горные ели	20
Счастье, сытость, радость	21
Кони	22
Я — человек	24
У огня	25
Раздумья на родной земле	28
Горцы	30
Выстрел	32
Клубящиеся облака	33
Назидания аксакала	34
Жаворонок	36
Джигиту-горцу (Песня девушки)	38
Я хожу за тобой по пятам	39
Карамолдо	40
Сын круглой юрты	42
«О весне не пишется весной...»	43

Удивляюсь	44
Пот	45
Особенно	47
Картофелина	48
Краски джайлоо	49
Просьба	51
Другу, приехавшему в гости	53
Ночь на Иссык-Куле	55
Кумыс, привезенный с джайлоо	57
Я поклонюсь горам	59
Зимняя песня	60
Стрекошет сорока	61
Собирая джёргемиш	62
В зимнем лесу	63
Быть человеком	64
На перевале Беш-Таш	65
Медео	71
Памятник Абаю	72
Моя звезда	74
Не верю!	75
Дорогая моя	76
Скажи!	77
Когда я уйду	78
Постыдились бы вы...	79
Я доволен	81
С восьмого этажа гостиницы «Алма-Ата»	82
Мое сердце	84

Джусуев Сооронбай

ГОРНЫЕ ЗОРИ

М., «Советский писатель», 1972, 88 стр.
План выпуска 1972 г., № 243.

Художник В. А. Родченко
Редактор Н. Н. Сидоренко
Худож. редактор Е. Ф. Капустин
Техн. редактор В. Г. Комм
Корректор Т. Ф. Юдичева

Сдано в набор 5/IX 1972 г. Подписано в печать 24/X
1972 г. А 12219. Бумага 70×108¹/₃₂ № 1. Печ. л. 2³/₄ (3,85).
Уч.-изд. л. 2,4. Тираж 9000 экз. Заказ № 1279. Цена 26 к.

Издательство «Советский писатель»,
Москва К-9, Б. Гнезниковский пер., 10.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзно-республиканского Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Красная ул., 1/3.